

На этом пути есть место плоти и духу,
Западу и Востоку, женскому и мужскому,
тьме и свету, храбрости и любви!

Dan Millman

Way of the Peaceful Warrior

A Book That Changes Lives

Дэн Миллмэн

Мирный ВОИН

Книга, которая меняет жизнь

«СОФИЯ» 2 0 1 9

УДК 821.111(71)-312.1

ББК 84(7 Кан)

М60

Перевод с английского М. Нечаевой

Миллмэн Дэн

М60 Мирный воин: Книга, которая меняет жизнь /
Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство
«София», 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-906897-58-9

Это книга, которая действительно изменяет жизни людей. Переведенная за двадцать лет на двадцать языков, она по праву причислена к классике духовной литературы. Дэн, студент университета и блестящий спортсмен, знакомится с очень необычным стариком, который на долгие годы становится его Учителем. Дэну суждено странствовать путями плоти и духа, романтики и ужаса, света и тьмы, смеха и магии, учась видеть мир глазами Мирного Воина.

УДК 821.111(71)-312.1

ББК 84(7 Кан)

WAY OF THE PEACEFUL WARRIOR

Copyright © 1980, 1984 by Dan Millman

New Revised Edition Copyright © 2000 by Dan Millman

Впервые книга была издана в Соединенных Штатах Америки
HJ Kramer совместно с New World Library

Все права зарезервированы, включая право на полное
или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906897-58-9 © ООО Книжное издательство «София», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Автозаправка на конце радуги	10
Книга 1	
ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН	47
Глава 1. Порывы магии	48
Глава 2. Паутина иллюзий	69
Глава 3. Освобождение	99
Книга 2	
ОБУЧЕНИЕ ВОИНА	127
Глава 4. Меч заточен	128
Глава 5. Горная тропа	188
Глава 6. Удовольствие за пределами ума	218
Книга 3	
БЕСПРИЧИННОЕ СЧАСТЬЕ	239
Глава 7. Последний поиск	240
Глава 8. Врата открываются	260
Эпилог. Смеющийся ветер	277
Послесловие	282
Благодарности	286
Об авторе	287

*Посвящается Абсолютному
Мирному Воину,
Чьим мимолетным отражением стал Сократ;
Воину, у которого не одно имя, но множество
И который был и остается источником
каждого из нас.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная с декабря 1966 года, когда я учился на первом курсе в Беркли (Калифорния), в моей жизни произошел ряд удивительных событий. Все началось в 3:20 ночи, когда я, проходя мимо круглосуточной автозаправки, наткнулся на Сократа. (Своим настоящим именем он так никогда и не поделился. Но, побеседовав с ним в ту первую ночь, я по какому-то наитию назвал его именем этого древнегреческого мудреца, и ему понравилось; так и прижилось.) Это случайное знакомство и приключения, последовавшие за ним, полностью изменили мою жизнь.

Надо сказать, что до 1966 года жизнь благоволила мне. Я вырос в любящей благополучной семье, выиграл чемпионат мира по прыжкам на батуте в Лондоне, много путешествовал по Европе, успешно участвуя в многочисленных соревнованиях. Награды сыпались одна за другой, но не приносили моей душе ни удовлетворения, ни покоя.

Теперь я понимаю, что в некотором смысле проспал все эти годы и та жизнь мне просто снилась. Так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Сократа, ставшего моим учителем и другом. До этой встречи я искренне полагал, что счастливая жизнь, в которой были бы и мудрость, и богатство, принадлежит мне по праву рождения и с годами никуда не денется. Я бы ни за что не мог предположить, что мне придется учиться, *как жить*, что существуют особенные практики и способы видения мира, которыми нужно будет овладеть для того, чтобы пробудиться к простой и счастливой жизни.

На мои ошибки Сократ указывал своим личным примером. Он показывал *свой* путь, Путь Мирного Воина. Он без конца подтрунивал и поддразнивал

меня, насмехаясь над моей такой серьезной, полной проблем и переживаний повседневностью, пока я не научился смотреть его глазами, в которых были и мудрость, и сострадание, и юмор. И он не сдался до тех пор, пока я не понял, что значит жить как воин.

Мы провели с ним много предрассветных часов. Я слушал, спорил и, вопреки всему, смеялся с ним. Эта история основана на моих приключениях, которые я действительно пережил, и *все-таки* это художественное произведение. Человек, которого я называл Сократом, действительно существовал. Но у него была такая способность неуловимо сливаться с жизнью, что мне сложно сказать, в какой момент он отступил на второй план и на его место пришли другие учителя и другой жизненный опыт. Я переиначил некоторые диалоги, какие-то события расставил в другом хронологическом порядке, добавил притчи и метафоры, которые иллюстрировали бы те уроки, что я получал от Сократа.

Жизнь — это не частное дело. Подобные истории и извлеченные из нее уроки становятся полезны лишь тогда, когда ими делишься с окружающими. Поэтому я решил почтить своего Учителя, поделившись его удивительной мудростью и искрометным юмором с вами.

Воинами, воинами зовем мы себя;
мы сражаемся за прекрасные добродетели,
за высокие устремления, за великую мудрость,
поэтому зовем себя воинами.

Аунгуттара-никая

АВТОЗАПРАВКА НА КОНЦЕ РАДУГИ

«Вот она, новая жизнь», — подумал я, выруливая с подъездной дорожки на моем стареньком верном «плимуте», набитом под завязку. Папа с мамой махали вслед потускневшему от времени белому автомобилю. Впереди меня ждал первый год в колледже. Я чувствовал себя сильным и независимым. Мир расстилался у моих ног.

Подпевая радио, я устремился по скоростным магистралям Лос-Анджелеса на север, затем поднялся и проехал через каньон Грейпвайн и влился в шоссе 99, которое повело меня сквозь застроенные фермами равнины, тянувшиеся вплоть до подножия гор Сан-Гейбриел.

Перед самым закатом я спустился по серпантину с холмов Окленда, и глазам моим открылся отсвечивающий уходящее за горизонт солнце залив Сан-Франциско. Вскоре я подъезжал к кампусу университета Беркли. Внутри все сжималось от радостного предвкушения.

Отыскав свою комнату в общежитии, я распаковал вещи и немного постоял у окна, глядя на мост Золотые ворота и россыпь огней Сан-Франциско.

Уже через пять минут я прогуливался по Телеграф-авеню, заглядывал в окна магазинов, с наслаждением вдыхал ароматы, доносившиеся из крошечных кафе и мешавшиеся с прохладным воздухом Северной Калифорнии. Было далеко за полночь, а я все бродил по удивительно живописным дорожкам университетского кампуса и никак не мог успокоиться.

На следующее утро, сразу после завтрака, я побежал к спортивным павильонам Хармона, где мне

предстояло тренироваться шесть дней в неделю — силовые упражнения, кувырки, сальто, каждый день несколько часов напряженных тренировок в погоне за мечтой о чемпионском титуле.

Прошло всего два дня, а я уже захлебывался в океане новых знакомств, письменных работ и запутанных расписаний. Месяцы потянулись один за другим, сливаясь друг с другом как времена года мягкого калифорнийского климата. Я кое-как выживал на лекциях; я жил и дышал полной грудью в спортзале. Приятель как-то сказал мне, что я рожденный акробат. Внешне так оно и было: гибкое тело худощавого сложения, резко очерченные мышцы, темные, коротко подстриженные волосы. Более того, мне всегда нравились рискованные трюки. В детстве мне нравились только такие игры, в которых был элемент риска. Спортзал стал моим святилищем. Здесь каждый день я сталкивался с новым вызовом, здесь я испытывал истинный энтузиазм, здесь находил удовлетворение. По крайней мере, отчасти.

В конце второго курса я полетел в Германию, Францию и Англию, представляя Американскую федерацию гимнастики; выиграл чемпионат мира по прыжкам на батуте; в углу комнаты громоздились награды; мои фотографии появлялись в «Дейли калифорниан» с такой завидной регулярностью, что меня начали узнавать на улице. Я становился местной знаменитостью. Женщины улыбались мне. Сьюзи, обаятельная, неизменно дружелюбная блондинка, с короткой стрижкой и ослепительно белоснежной улыбкой, все чаще оставалась у меня на ночь. Даже учеба наладилась. Я поистине ощущал себя на вершине.

Но начиная с осени 1966 года, с первого семестра третьего курса, в душе у меня зашевелилось и на-

чало подниматься нечто темное и трудноуловимое. К тому времени я переехал из общежития в небольшую студию, которую снимал у хозяина. Студия была выстроена прямо позади его дома. Именно в этот период, несмотря на все мои достижения, я начал чувствовать нараставшие уныние и беспокойство. А потом начались кошмары. Почти каждую ночь я вскакивал, обливаясь холодным потом. Сон, наводивший такой ужас, был почти всегда один и тот же:

Я иду по темной улице; справа и слева нависают мрачные здания без окон и дверей, проступая сквозь завихрения грязной дымки.

В конце улицы возникает и начинает быстро приближаться высокая фигура в длинном плаще. Я не столько вижу, сколько ощущаю леденящую угрозу, исходящую от мерцающего белого черепа с черными провалами вместо глаз. Эти провалы смотрят на меня, вокруг звенит мертвая тишина. Фигура поднимает руку и указывает на меня белыми костями пальца. Затем медленно поворачивает руку, и указующий перст превращается в страшный крюк — фигура манит меня, зовет к себе. Я замираю от ужаса.

И тут позади этого воплощения страха появляется седовласый мужчина; лицо его спокойно, морщин нет. Его шаги бесшумны. Каким-то образом я знаю, что этот человек — моя единственная надежда на спасение; он обладает силой, чтобы спасти меня, вот только он меня не видит, а я не могу его позвать.

Усмехаясь моему страху, Смерть в черном капюшоне резко разворачивается и встречается взглядом с седовласым мужчиной; он смеется ей в лицо. Пораженный, я наблюдаю. В следующую се-

кунду призрак Смерти делает бросок в сторону седовласого, пытаюсь до него дотянуться, а потом неожиданно бросается на меня. Седовласый хватает Смерть за плащ и легко подбрасывает ее в воздух.

Внезапно Мрачный Жнец исчезает. Теперь волосы седовласого почти светятся своей белизной. Он смотрит на меня и манит рукой. Я иду к нему — и вдруг прохожу сквозь него, полностью растворяясь в нем. Останавливаюсь, смотрю вниз, на свое тело, и вижу, что на мне черный плащ. Я поднимаю руки и вижу, как их белые узловатые кости складываются в молитвенном жесте.

Я просыпался, хватая воздух ртом.

Как-то ночью, в самом начале декабря, я лежал и слушал, как посвистывает ветер, просачиваясь сквозь небольшую трещину в окне. Поняв, что заснуть все равно не удастся, я натянул джинсы, влез в кроссовки, накинул сверху куртку и вышел в ночь. Было 3:05.

Я бесцельно бродил по улицам, вдыхая влажный ледяной воздух, смотрел на усыпанное звездами небо, прислушивался к редким звукам, доносившимся с соседних улиц. На холоде я быстро проголодался и направился к круглосуточной автозаправке, где можно было купить пакетик печенья и газировку. Засунув руки поглубже в карманы, я быстрыми шагами пошел через кампус, мимо спящих домов, и скоро увидел огни заправки. Это был настоящий неоновый оазис, сверкавший среди пустыни закрытых кафе, кинотеатров и магазинов.

Я обогнул гараж, примыкавший к заправке, и чуть не налетел на человека. Он сидел в полутьме, прислонив спинку стула к красной кирпичной сте-

не. От неожиданности я сделал шаг назад. На нем были красная вязаная шапка, серые вельветовые штаны до колен, белые носки и японские сандалии. Казалось, ему совсем не холодно в легкой ветровке, хотя термометр над его головой показывал четыре градуса.

Не поднимая головы, он произнес глубоким, почти музыкальным голосом:

— Прости, если напугал.

— Э... нет, ничего. Газировка есть, папаша?

— У нас только фруктовые соки. И не называй меня папашей!

Он повернулся ко мне и с лукавой улыбкой снял шапку, открыв белоснежно-седые волосы. А потом он рассмеялся.

Этот смех! Несколько секунд я смотрел и не верил своим глазам. Седовласый из моего сна! Те же белые волосы, открытое, без единой морщины лицо... Высокий стройный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти. Он снова рассмеялся. Еще не оправившись от изумления, я кое-как отыскал дверь с надписью «Офис» и толкнул ее. Открывая эту дверь, я почувствовал, что одновременно открываю дверь в иное измерение. Окончательно сбитый с толку, я упал на старый диван и посидел некоторое время, вздрагивая и пытаясь представить себе, что может ворваться через эту другую, невидимую дверь в мой такой понятный и упорядоченный мир. Страх смешивался с непонятным восторгом, который я вряд ли мог бы описать. Я сидел, быстро и коротко дыша, пытаясь уцепиться за ускользающую привычную реальность.

Потом я огляделся. Увиденное мною разительно отличалось от безликой захламленности обычной автозаправки. Диван, на котором я сидел, был покрыт поблекшим, но пестрым мексиканским

одеялом. Слева, рядом со входом, на стенде были аккуратно расставлены товары в помощь путешественникам: карты, батарейки, солнечные очки и прочее. За небольшим столом орехового дерева стояло коричневое кресло с мягкими подлокотниками, обитое плотной тканью. Бачок с питьевой водой охранял дверь с надписью «Служебное помещение». Еще одна дверь вела в гараж.

Больше всего меня поразила домашняя атмосфера, царившая в помещении. Пол был устлан желтым ковром, тянувшимся до самой входной двери и утыкавшимся в жесткий коврик с надписью «Добро пожаловать». Стены были недавно выкрашены в белый цвет. Висело несколько пейзажей. Мягко светила лампа. Приятный контраст с неоновым сиянием, царившим на улице. Одним словом, комната дарила ощущение тепла, порядка и безопасности.

Откуда мне было знать, что здесь мне предстоит пережить невероятные приключения, своими глазами увидеть магию, ужас, любовь?.. Тогда я просто подумал о том, что здесь неплохо смотрелся бы камин.

Вскоре дыхание мое выровнялось, а мысли если и не успокоились окончательно, то хотя бы перестали вертеться как бешеные. Сходство этого человека с седовласым из моего сна, конечно, просто совпадение. Я глубоко вздохнул, встал с дивана, застегнул куртку и вышел на пронизанную холодом улицу.

Он сидел там же, где я увидел его впервые. Проходя мимо, я бросил на него последний взгляд, и что-то зацепило меня в его сверкнувших глазах. Эти глаза не походили ни на что из того, что мне приходилось видеть раньше. Поначалу могло показаться, что в них стоят слезы, готовые вот-вот пролиться; но стоило взглянуть повнимательнее, и слезы превращались в блеск, похожий на отсвет звезд. Я погру-

жался в этот взгляд все глубже, пока мне не начало казаться, что само звездное небо есть не больше, чем отражение глаз этого странного человека. Утратив всякое представление о времени, я смотрел и смотрел в эти глаза. То был требовательный и любопытный взгляд... младенца.

До сих пор не знаю, сколько я так простоял — несколько секунд, минут или дольше. Потом я вздрогнул и очнулся. Невнятно попрощавшись, чувствуя себя совершенно сбитым с толку, я устремился к ближайшему перекрестку.

Дойдя до угла, я остановился. Шею покалывало; я чувствовал, что он на меня смотрит. И я оглянулся. Прошло не больше пятнадцати секунд. Как ни в чем не бывало, *он стоял на крыше*, скрестив руки на груди и разглядывая звездное небо. Разинув рот от удивления, я посмотрел на опустевший, по-прежнему прислоненный к стене стул, потом снова на крышу. Невозможно! Если бы, оглянувшись, я увидел, как он меняет колесо у кареты-тыквы с запряженными в нее гигантскими мышами, вряд ли бы я удивился больше.

Замерев посреди тихой ночной улицы, я рассматривал стройный силуэт. Сила присутствия, которой веяло от этого человека, ощущалась даже на расстоянии. Вдруг он резко повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. Нас разделяло метров двадцать, а я почти почувствовал его дыхание на своем лице. По телу прошел озноб, но не от холода. Просто снова отчетливо скрипнула дверь, до сих пор так надежно отделявшая сны от реальности.

Я снова посмотрел наверх.

— Да? — поинтересовался он. — Чем могу помочь?

Воистину это были пророческие слова!

— Простите, но...

— Прощаю, — улыбнулся он.

Я почувствовал, что краснею; все это начинало действовать мне на нервы. Шла какая-то игра, а я не знал правил.

— Послушайте, как вы забрались на крышу?

— Забрался на крышу? — недоуменно уточнил он.

— Да. Как вы с этого стула, — указал я, — оказались на этой крыше меньше чем за двадцать секунд? Вы сидели, прислонившись к стене, прямо здесь. Я отвернулся, дошел до угла, а вы...

— Я прекрасно знаю, что я делал, — загудел он. — Совершенно незачем мне это объяснять. Вопрос в другом: знаешь ли, что делал *ты*?

— Конечно, я знаю, что я делал! — Вот теперь я разозлился не на шутку. Что я, мальчишка, чтобы меня так отчитывали?! Но мне ужасно хотелось знать, что за трюк проделал этот старик, поэтому я сдержался и вежливо закончил: — Сэр, пожалуйста, объясните мне, как вы оказались на крыше.

Он просто молча стоял и смотрел мне в глаза, пока по шее у меня не побежали мурашки. Наконец равнодушно ответил:

— По лестнице поднялся. Она там, с другой стороны.

И, окончательно потеряв ко мне интерес, снова уставился на звездное небо.

Я быстро обошел здание. Да, лестница действительно имела место. Буднично стояла там, косо прислонившись к стене. Вот только до крыши она не доставала метра на полтора, если не больше, и ее наличие здесь никак не объясняло, каким образом мужчина так быстро оказался на крыше, — даже если допустить, что он действительно воспользовался лестницей.

На мое плечо опустилась чья-то рука. Я вздрогнул и резко обернулся. Он непостижимым образом спустился с крыши и бесшумно подкрался ко мне. И тут мне в голову пришло единственное разумное объяснение. У него был брат-близнец. Старички просто развлекались, пугая до полусмерти ни в чем не повинных посетителей. Я тут же пошел в атаку:

— Ладно, мистер, где ваш близнец? Я вам не дурачок.

Он слегка нахмурился, а потом разразился раскатистым хохотом. Ага! Зацепило! Значит, я был прав. Раскусил. Правда, ответ несколько сбил меня с толку:

— Думаешь, если бы у меня был близнец, я был бы тем братом, который стоял бы сейчас и разговаривал с «дурачком»?

Он снова рассмеялся, развернулся и зашагал к гаражу, оставив меня стоять посреди дороги в полной растерянности. Нет, ну какая наглость! Я устремился за ним. Старик зашел в гараж и принялсяковыряться в карбюраторе старого зеленого «форда».

— Считаете меня дураком? — спросил я чуть более раздраженно, чем собирался.

— Все мы дураки, — ответил он. — Просто очень немногие это понимают; остальные остаются в неведении. Сдается мне, ты относишься ко второму типу. Маленький ключ передай, пожалуйста.

Я передал ему его чертов ключ и совсем собрался было уходить, но не выдержал:

— Пожалуйста, объясните мне, как вы забрались на крышу. Я совершенно не понимаю.

Он вернул мне ключ и произнес:

— Весь мир — большая загадка. Нет смысла ее разгадывать.

Он указал на стеллажи за моей спиной:

— Мне понадобятся молоток и отвертка.

Некоторое время я раздраженно смотрел, как он работает, пытаюсь придумать еще какой-нибудь способ вытянуть из него интересующую меня информацию, но он как будто забыл о моем присутствии.

Наконец я сдался и уже пошел было к двери, как вдруг услышал его слова:

— Останься и займись чем-нибудь полезным.

С этими словами он ловко, будто опытный хирург, проводящий операцию по пересадке сердца, извлек карбюратор из-под капота и наконец повернулся ко мне.

— Держи, — протянул он мне карбюратор. — Можешь разобрать и сложить вон в тот бак, пусть отмокает. Это отвлечет тебя от вопросов.

Мое раздражение исчезло, и я рассмеялся. Да, старик умел действовать на нервы, но человек он был, безусловно, интересный. Я решил быть с ним повежливее.

— Меня зовут Дэн, — сказал я, с искренней улыбкой протягивая руку. — А вас как?

Вместо рукопожатия он вложил мне в ладонь отвертку.

— Мое имя не важно; твое тоже. Что *действительно* важно — это то, что за пределами имен и вопросов. Тебе понадобится отвертка, чтобы разобрать карбюратор.

— Нет ничего за пределами вопросов, — парировал я. — Например, как вы взлетели на крышу?

— Я не взлетел. Я запрыгнул, — с непроницаемым лицом ответил он. — Это не магия, даже не надейся. Впрочем, в твоем случае магия мне бы не помешала. Создается впечатление, что мне предстоит превратить придурка в человека.

— Черт, да кто вы вообще такой, чтобы...

— Я воин! — отрезал он. — Кроме того, кто я такой, зависит от того, кем ты *хочешь*, чтобы я был.

— Вы что, не способны прямо ответить на простой вопрос? — спросил я, раздраженно атакуя карбюратор.

— Спрашивай. Попробую, — невинно улыбнулся он.

Отвертка соскочила и разодрала мне палец. Я чертыхнулся и подошел к умывальнику, чтобы промыть царапину. Он протянул мне пластырь.

— Ну хорошо. Вот вам простой вопрос, — произнес я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. — Чем вы можете быть мне полезны?

— Я уже был тебе полезен, — ответил он, указывая на пластырь.

Это была последняя капля.

— Слушайте, я не могу терять здесь свое время. Мне надо поспать.

С этими словами я положил карбюратор и опять направился к выходу.

— Откуда ты знаешь, что не спал всю свою жизнь? Откуда ты знаешь, что не спишь прямо сейчас? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Как скажете, — я вдруг почувствовал себя слишком усталым, чтобы спорить. — И все-таки... как вы это... ну, вы поняли...

— Завтра, Дэн, завтра, — перебил он меня.

А потом он тепло улыбнулся, и все мои страхи и тревоги рассеялись. Он пожал мою руку с пластырем на пальце. И по моей руке, потом по плечу, а потом по всему телу побежали мурашки.

— Приятно было снова повидать тебя, — добавил он.

— Что значит «снова»? — начал было я, но спохватился: — Ах да, помню. Всё завтра.

Мы рассмеялись одновременно. Я дошел до двери, остановился, посмотрел на него и произнес:

— До свидания... *Сократ.*

Имя его как будто озадачило, потом он благодушно пожал плечами. Кажется, он был не против такого прозвища. Я ушел, не произнеся больше ни слова.

Восьмичасовое занятие на следующий день я проспал и проснулся только к дневной тренировке. Набегавшись вверх и вниз по лестнице на стадионе, мы с Риком, Сидом и другими ребятами нашей команды лежали на полу и, отдуваясь и обливаясь потом, растягивали мышцы ног, плеч и спины. Это был настоящий ритуал, и обычно во время растяжки мы молчали. Но сегодня мне нестерпимо захотелось поделиться впечатлениями пережитого накануне. Правда, я только и смог, что сказать:

— Я тут вчера на заправке с таким странным мужиком познакомился...

Но моих товарищей гораздо больше интересовала боль в растягиваемых мышцах, чем моя незамысловатая история.

Мы быстро разогрелись — отжимания в стойке на руках, приседания, подъем ног в висе — и приступили к отработке упражнений. Я летал по воздуху, вращаясь на перекладине, делал «ножницы» на гимнастическом коне, продирался сквозь серию новых силовых упражнений на кольцах, а из головы не выходил таинственный незнакомец, которого я прозвал Сократом. Чувство собственной гордости требовало держаться от него подальше, но желание разгадать окружающую этого человека тайну было сильнее.

После ужина я пробежался по заданиям по истории и психологии, набросал черновик работы по английскому и выбежал на улицу. Было одиннадцать часов вечера. Сомнения начали одолевать, когда я почти дошел до заправки. А хотел ли он видеть меня снова? Что бы такое сказать, чтобы произвести впечатление, доказать ему, что я действительно умный человек?

Он стоял там, прямо в дверях. Увидев меня, кивнул головой и жестом предложил зайти:

— Разуйся, пожалуйста. Так уж у меня заведено.

Я осторожно опустился на диван и поставил свою обувь поближе, на случай, если мне захочется быстро встать и уйти. Не доверял я все-таки этому странному незнакомцу.

На улице начал моросить дождь. В теплой, залитой мягким светом комнате было особенно уютно по сравнению с холодной улицей, где поливал дождь, а на небе громоздились мрачные тучи. Постепенно я расслабился. Откинувшись на спинку, я сказал:

— Знаешь, Сократ, у меня такое впечатление, что мы уже встречались.

— Встречались, — ответил он, снова чуть приоткрывая дверь между сном и реальностью.

Я помолчал и продолжил:

— Ты знаешь... Мне часто снится один сон. Про тебя.

Я внимательно следил за его лицом, но оно осталось непроницаемым.

— Я много кому снюсь. И ты много кому снишься. Расскажи о своем сне, — улыбнулся он.

Я рассказал как можно более подробно. Казалось, в комнате потемнело, пока я пересказывал мрачные эпизоды из сна, воскрешая в памяти каждую деталь. Пятилась, отступая все дальше, привычная реальность.

Когда я закончил, он кивнул:

— Да. Очень хороший сон.

Я не успел спросить, что он имеет в виду, — требовательно звякнул звонок у заправки, один раз, потом второй. Сократ накинул пончо и вышел в промозглую морось. Я наблюдал за ним через окно.

Одна машина быстро сменялась другой: пятничный вечер, час пик. Сидеть на диване было как-то

глупо, поэтому я вышел помочь Сократу. Он никак не отреагировал.

Потянулась бесконечная вереница машин: двухцветные, красные, зеленые, черные, хардтопы, пикапы, иностранные спорткары... Настроение людей, сидевших за рулем, было не менее разнообразно. Мало кто из клиентов был знаком с Сократом, но многие задерживали на нем взгляд, будто заметив что-то странное и трудноопределимое.

Были компании, праздновавшие пятничный вечер: люди в таких машинах громко смеялись и болтали, перекрикивая свои радиоприемники. Сократ подхватывал их смех. Парочка клиентов, напротив, оказалась в мрачном расположении духа. Создавалось впечатление, что эти люди специально старались быть неприятными для окружающих, но Сократ со всеми обращался одинаково вежливо и обходительно, будто каждый из них был его личным гостем.

После полуночи поток авто начал редеть и вскоре иссяк. Прохладный воздух после всей этой суеты и шумихи казался неестественно неподвижным. Когда мы вошли в офис, Сократ поблагодарил за помощь. Я пожал плечами, но было приятно, что он все-таки меня заметил. Я очень давно никому ни в чем не помогал.

Едва очутившись в тепле, я вспомнил о нашем незаконченном разговоре, плюхнулся на диван и сказал:

— Сократ, у меня есть пара вопросов.

Он сложил руки в молитвенном жесте, возведя глаза к потолку, как бы спрашивая свыше то ли совета, то ли терпения.

— Что за вопросы? — вздохнул он.

— Ну, я насчет крыши так и не выяснил, и что ты имел в виду, когда сказал, что рад видеть меня

«снова», и еще я хотел бы знать, что могу для тебя сделать и чем ты можешь мне быть полезен. *И еще я хотел спросить, сколько тебе лет.*

— Давай пока начнем с самого простого. Мне девяносто шесть лет по вашему летоисчислению.

Не было ему девяносто шести. Пятьдесят шесть — пожалуй; шестьдесят шесть — с натяжкой; семьдесят шесть — с очень малой вероятностью, и это было бы настоящим чудом. Но *девяносто шесть*? Он лгал. Хотя зачем ему лгать? И еще эта странная обмолвка...

— Сократ, в каком смысле «по вашему летоисчислению»? Это ты про другие часовые пояса, что ли? Или ты из космоса?

— А разве не все мы оттуда? — ответил он.

Честное слово, к тому моменту я не исключал и такой возможности.

— Я все-таки хотел бы выяснить, что мы можем сделать друг для друга.

— Только одно: я был бы не против взять себе последнего ученика, а тебе самым очевидным образом нужен учитель.

— Мне хватает учителей, — может быть, слишком поспешно ответил я.

Он помолчал, сделал глубокий вдох:

— То, насколько правильный у тебя учитель, зависит от того, чему бы ты хотел научиться.

Он легко поднялся и пошел к двери:

— Пойдем. Хочу тебе кое-что показать.

Мы дошли до угла, откуда открывался вид на огни делового района, а за ними и на весь мерцающий огнями Сан-Франциско.

— Мир, — произнес Сократ, широким жестом обводя горизонт, — это школа, Дэн. И единственный настоящий учитель в ней — это жизнь. Она предлагает самый разнообразный опыт, и если бы сам по себе опыт приносил мудрость, все старики были

бы сплошь просветленными мудрецами. Но зачастую уроки, которые несет с собой опыт, глубоко сокрыты. Я могу показать тебе, как можно учиться на собственном опыте, чтобы ты мог ясно видеть окружающий тебя мир. Ясности тебе не хватает катастрофически. Ты знаешь, что это правда, но ум твой сейчас бунтует; ты пока не умеешь превращать знания в мудрость.

— Даже не знаю... В смысле, я так далеко не заглядывал.

— Да, Дэн, ты пока так далеко не заглядывал и не заходил. Но вполне можешь дойти и туда, и еще дальше.

К заправке мы вернулись одновременно с подъехавшей красной блестящей «тойотой». Сократ открыл крышку бензобака и продолжил:

— Тебя, как большинство людей, научили собирать информацию извне. Книги, журналы, эксперты... — С этими словами он вставил в горловину заправочный пистолет. — Как эта машина, ты открыт навстречу миру информации, позволяя ей свободно втекать в тебя. Иногда это прямо-таки первосортная информация, иногда так себе, дешевка. Ты покупаешь информацию по рыночной цене, как покупаешь бензин.

— Спасибо, что напомнил. Мне через два дня как раз платить за следующий семестр.

Сократ кивнул и продолжил наполнять бак. Когда бак был наполнен, он не отключил подачу бензина. Вскоре бак переполнился, бензин потек на землю, по асфальту побежал ручеек.

— Сократ! Бак переливается, ты что делаешь?!

Он проигнорировал мое восклицание, как и текущий по асфальту бензин:

— Дэн, как этот бензобак, ты переполнен впечатлениями, в тебе слишком много лишнего знания. Ты носишь в себе бесчисленные факты и мнения, но

почти не знаешь самого себя. Прежде чем чему-то научиться, тебе придется опустошить свой бак.

Он широко улыбнулся, подмигнул и с щелчком выключил заправочный пистолет.

— Приберись тут, будь так добр.

У меня возникло ощущение, что он говорил не только о залитом бензином асфальте. Сократ взял у водителя деньги, вернул сдачу, добавив к ней улыбку. Мы вернулись в офис.

— И что ты собираешься делать, заполнить меня *своими* фактами? — ошетинился я.

— Речь не о фактах; речь о мудрости тела.

— Что такое «мудрость тела»?

— Все, что тебе когда-либо нужно будет знать, уже находится у тебя внутри; все тайны мироздания зашифрованы в клетках твоего тела. Но ты не умеешь считывать эту информацию, следовательно, не имеешь доступа к мудрости тела. Приходится читать книжки и слушать экспертов, надеясь, что они окажутся правы.

Я ушам своим не верил. Работник заправки прямо обвинял моих профессоров и учителей в невежестве, да еще и намекал на полную бесполезность получаемого мной образования!

— Я понимаю, что ты имеешь в виду под «мудростью тела», просто не принимаю эту концепцию.

Он медленно покачал головой:

— Ты многое понимаешь, а вот не осознал почти ничего.

— Это что еще значит?

— Понимание — одномерное восприятие интеллекта. Оно ведет к знанию. Осознание — трехмерный процесс, в нем одновременно участвуют голова, сердце и инстинкты. Оно приходит только из личного опыта.

— И что дальше?

— Помнишь, как учился водить машину? Пока ты не сел за руль, ты был пассажиром; ты только *понимал*, как водят машину. Но ты *осознал* это, когда попробовал вести ее сам.

— Точно! Я помню это ощущение. А, так вот в чем дело!

— Именно! И этой фразой ты ухватил самую суть осознания. Когда-нибудь ты сможешь сказать то же самое о жизни.

Я помолчал, но недолго:

— Ты так и не объяснил, как работает эта штука, «мудрость тела».

— Пойдем, — кивнул Сократ в сторону двери с надписью «Служебное помещение».

Пройдя за ним, я оказался в крошечной темноте. Сначала я немного напрягся, но вскоре любопытство взяло свое. Сейчас мне откроют первую тайну: мудрость тела...

Вспыхнул свет. Мы стояли в туалете. Сократ звонко мочился в унитаз.

— О, да... *Вот*, вот она, истинная мудрость тела!

Его громогласный смех эхом отразился от покрытых плиткой стен. Я вывалился наружу, упал на диван и уставился на ковер.

Когда он вышел, я встретил его вопросом:

— Сократ, я все равно хотел спросить...

— Если ты собираешься звать меня «Сократом», — перебил он, — то мог хотя бы из уважения к имени позволять мне время от времени самому задавать вопросы. Как думаешь?

— Согласен! Вопрос ты задал, я ответил, теперь моя очередь. Насчет вчерашнего трюка с полетом на крышу...

— А ты настойчивый молодой человек, а?

— Да. Без настойчивости я не достиг бы того, чего достиг. Я ответил на еще один твой вопрос. Можем мы все-таки вернуться к моим?

Проигнорировав меня, он спросил:

— Где ты находишься сегодня, прямо сейчас?

Я охотно начал рассказывать о себе, хотя не преминул отметить, что он опять ушел от ответа на заданный мною вопрос. Но я все равно рассказал о давнем и недавнем прошлом, о своих ничем не объяснимых приступах депрессии. Он внимательно и терпеливо слушал, словно в его распоряжении было все время мира. Через несколько часов я наконец закончил.

— Очень хорошо, — произнес он. — Но ты так и не ответил на мой вопрос о том, где ты.

— Почему же? Ответил. Я подробно объяснил, как пришел к тому, к чему пришел: при помощи упорства и трудолюбия.

— Где ты?

— В каком смысле где я?

— Где ты *находишься*? — мягко повторил он.

— Здесь.

— Где «здесь»?

— В офисе автозаправки!

Я начинал терять терпение.

— Где автозаправка?

— В Беркли?

— Где Беркли?

— В Калифорнии?

— Где Калифорния?

— В Соединенных Штатах?

— Где Соединенные Штаты?

— На континенте в западном полушарии! Послушай, Сократ, я...

— Где этот континент?

Я вздохнул:

— На планете Земля. Мы закончили?

— Где Земля?

— В Солнечной системе, третья от солнца планета. Солнце — это такая маленькая звезда, находится в галактике Млечный Путь. Так нормально?

— Где Млечный Путь?

— Господи боже, — закатил я глаза. — Во Вселенной.

С этими словами я откинулся и решительно скрестил руки.

— А где Вселенная? — улыбнулся Сократ.

— Вселенная... ну... существует несколько теорий о том, как она устроена...

— Я не об этом спрашивал. Где она?

— Не знаю... Как вообще можно ответить на этот вопрос?

— О том и речь. Ты не можешь на него ответить, и никогда не сможешь. Об этом нет знаний. Ты не знаешь, где находится Вселенная, а значит, не знаешь, где находишься ты сам. На самом деле ты не знаешь где, ты не знаешь что, ты не знаешь, каким все могло бы быть. Жизнь — это тайна. Мое невежество основано на этом понимании. А твоё понимание основано на невежестве. И поэтому я дурак с чувством юмора, а ты очень серьёзный осёл.

— Слушай! — воскликнул я. — Я вот о чем забыл упомянуть. Вообще-то я тоже в некотором роде воин. Представь себе, я очень и очень неплохой гимнаст.

Чтобы подтвердить свои слова и заодно продемонстрировать, что я тоже умею быть спонтанным, я встал с дивана и продемонстрировал сальто назад из положения стоя, изящно приземлившись на ковер.

— Ух ты! — восхитился Сократ. — Вот это здорово. Сможешь еще разок?

— Да пожалуйста, легко! — скромно улыбнулся я.

Время от времени мне нравилось показывать такой кувырок детишкам на пляже или в парке. Они тоже всегда просили повторить.

— Хорошо, Сок, теперь смотри внимательно...

Я подпрыгнул, но едва начал переворачиваться в воздухе, как что-то швырнуло меня в сторону, и я тяжелым мешком плюхнулся на диван. Мексиканское одеяло, висевшее на спинке, будто само соскользнуло и накрыло меня с головой. Я мгновенно выпутался и посмотрел на Сократа. Тот по-прежнему сидел на другом конце комнаты, в трех с половиной метрах от меня, уютно устроившись в своем кресле и хитро улыбаясь.

— *Как ты это сделал?*

Степень моего замешательства могла сравниться разве что с абсолютной невинностью его взгляда.

— Хочешь еще разок? — невинно спросил он и, заметив выражение моего лица, добавил: — Не надо так переживать, слегка оступившись, Дэн; даже такой великий воин, как ты, может иногда шлепнуться на пятую точку.

Я тупо встал и начал поправлять сбитое одеяло. Нужно было чем-то занять руки, пока голова отчаянно пыталась сообразить, что только что произошло. Как он это сделал? Еще один вопрос, который наверняка останется без ответа.

Сократ тихо вышел из офиса, чтобы залить бак пикапа, доверху забитого домашним скарбом. «Ну вот, пошел подбодрить еще одного клиента», — подумал я. Затем я закрыл глаза и сосредоточился на кажущейся способности Сократа смеяться если не над законами физики, то над здравым смыслом точно.

— Хочешь узнать секрет?

Я даже не слышал, как он вошел. Он просто оказался напротив меня. Сидел на стуле, скрестив ноги.

Я тоже скрестил ноги и с готовностью наклонился слушать. Недооценив мягкость дивана, я слишком наклонился вперед и вдруг понял, что соскальзываю. Не успев распрямить ноги, я неуклюже плюхнулся лицом прямо в ковер.

Сократ честно попытался не рассмеяться. Не получилось. Я быстро сел, вытянув спину в прямую струну. Едва взглянув на мое остервенелое выражение лица, он снова покотился со смеху. Я, куда больше привыкший к восхищению и аплодисментам, чем к насмешкам, вскочил на ноги, пылая от гнева и смущения.

— Сядь! — приказал Сократ неожиданно властным голосом и указал на диван. Я сел.

— Я спросил, хочешь ли ты узнать секрет.

— Хочу... про крыши.

— Ты выбираешь, хочешь ты знать секрет или нет, я выбираю, какой именно секрет ты узнаешь.

— А почему мы всегда играем по твоим правилам?

— Потому что это моя заправка, вот почему.

Сократ говорил излишне резко, и закрадывалось сомнение, что он меня просто передразнивал.

— А теперь слушай внимательно. Ты там нормально устроился?.. Надежно? — подмигнул он.

Я стиснул зубы, но сдержался.

— Дэн, мне есть что тебе показать и есть что рассказать. У меня есть секреты, которые я могу тебе открыть. Но перед тем как мы вместе отправимся в этот путь, ты должен осознать: ценность секрета не в том, что ты знаешь, а в том, что ты *делаешь*.

Сократ снял с полки старый словарь, взвесил на ладони.

— Обращайся к любому доступному тебе знанию, но не забывай о его ограничениях. Одного знания недостаточно; у него нет сердца. Никакого знания не

хватит, чтобы поддержать или подпитать твою душу; оно никогда не принесет тебе абсолютного счастья или покоя. Жизнь требует от тебя чего-то большего, чем знание: она требует сильных живых чувств и неиссякаемого потока энергии. Жизнь требует *правильного действия*, иначе знание никогда не будет претворено в жизнь.

— Я знаю, Сократ.

— В этом твоя проблема... Ты знаешь, но *не действуешь*. Ты не воин.

— Сократ, я точно знаю, что бывают моменты, когда я веду себя как воин. Особенно когда сталкиваюсь с конкретным вызовом... Ты бы меня видел в спортзале!

Он кивнул:

— Я знаю. Периодически ты способен испытать на собственном опыте, что такое ум воина: гибкий, быстрый, свободный от сомнений. При помощи тренировок ты можешь заполучить себе и тело воина: грациозное, послушное, чувствительное, переполненное энергией. Изредка ты даже можешь ощутить сердце воина — это те моменты, когда ты спонтанно начинаешь распространять вокруг себя волны любви и сострадания. Но все эти качества в тебе находятся в раздробленном состоянии. Тебе недостает целостности. И моя задача — собрать тебя по кусочкам обратно, хотя случай, по-моему, безнадежный.

— Так, минутку! Я знаю, ты умеешь делать непонятные вещи и любишь окружать себя ореолом тайны, но с чего ты решил, что можешь *меня* собрать обратно? Давай посмотрим на ситуацию с другой стороны: я студент престижного колледжа — ты работаешь на автозаправке. Я чемпион с мировым именем — ты возишься в гараже, пьешь чай и

ждешь, когда к тебе забредет очередной наивный дурачок, чтобы как следует его напугать. Может быть, это я могу собрать *тебя* обратно?..

Я сам толком не знал, что говорю, но ощущения были приятные.

Сократ расхохотался и начал трясти головой, будто не мог поверить в то, что только что услышал. Потом подошел ко мне, мягко опустился на колени рядом с диваном, посмотрел мне прямо в глаза и тихо произнес:

— Возможно, когда-нибудь так и будет. Но пока тебе нужно понять, в чем разница между нами.

Он ткнул мне между ребер, потом еще раз, и еще...

— Воин действует...

— Черт возьми, перестань! — заорал я. — Ты действуешь мне на нервы!

— ... а дурак только реагирует.

— Ну а чего ты ждал?

— Я тебя тыкаю, ты раздражаешься; я тебя оскорбляю, ты выдаешь реакцию гордости и гнева; я поскальзываюсь на банановой коже и...

Он отступил на два шага, поскользнулся и с глухим стуком упал на ковер. Я не сдержался и фыркнул от смеха.

Он сел на пол, повернулся ко мне и подвел черту:

— Дэн, все твои чувства и реакции — автоматические и предсказуемые, а мои — нет. Я творю свою жизнь спонтанно, а твоя целиком зависит от твоих мыслей, эмоций и твоего прошлого.

— Откуда ты знаешь насчет прошлого?

— Потому что я наблюдал за тобой годами.

— Ну да, конечно, — сказал я, ожидая продолжения шутки. Но продолжения не последовало.

Было поздно, мне нужно было все обдумать. Возникло ощущение, будто на меня возложили какую-

то непонятную ответственность, а вот уверенности, что я смогу соответствовать, не было никакой. Сократ вошел, вытер руки, наполнил кружку водой из бачка. Глядя, как он не торопясь опустошает кружку, я сказал:

— Сократ, мне пора уходить. Уже поздно, а у меня много важных заданий по учебе.

Он молча сидел, глядя, как я натягиваю куртку. Когда я уже был на пороге, он заговорил медленно и очень отчетливо. Каждое его слово было словно легкой пощечиной:

— Тебе нужно пересмотреть приоритеты, если хочешь получить хотя бы малейший шанс стать воином. Пока у тебя ума, как у осла, а вместо души — невнятное месиво. Да, тебе действительно предстоит выполнить много важных заданий, но совсем в других аудиториях, о которых ты пока и понятия не имеешь.

Все время, пока он говорил, я молча смотрел в пол. Затем вскинул голову, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, но так и не решился этого сделать.

— Чтобы пережить все предстоящие тебе уроки, — продолжил он, — тебе понадобится в разы больше энергии, чем у тебя когда-либо было. Тебе придется очистить тело от напряжения, освободить ум от закостелых убеждений, открыть сердце милосердию.

— Сократ, наверное, тебе не мешало бы ознакомиться с моим расписанием. Я все пытаюсь донести до тебя, насколько я занят. Я очень хотел бы приходить сюда чаще, но у меня так мало времени...

Он мрачно взглянул на меня:

— Времени у тебя еще меньше, чем ты думаешь.

— В смысле? — насторожился я.

— Пока это неважно. Иди.

— Понимаешь, у меня есть цели. Я хочу стать чемпионом. Хочу, чтобы моя команда побеждала в национальных чемпионатах. Я хочу закончить университет с отличием, а это сотни книг, которые надо прочитать, и сотни письменных работ, которые нужно сдать. Что ты предлагаешь мне взамен? По полночи проводить на заправке, слушая — ты только не обижайся, пожалуйста, — очень странного мужика, который пытается втянуть меня в мир своих странных фантазий. Это же безумие!

— Да, — грустно улыбнулся он. — Это безумный мир.

Сократ сел на стул и уставился в пол. Мой ум бунтовал против этих беспомощных старческих попыток втянуть меня в какую-то передрягу, но сердце тянулось к этому пожилому, хотя и полному энергии, эксцентрику, утверждавшему, что он какой-то там воин. Я тоже сел. И тут мне вспомнилась притча, которую рассказывал дед.

Давным-давно жил-был король, пользовавшийся огромным уважением у подданных. Он жил в прекрасном замке на вершине самого высокого в стране холма. Короля так любили, что простые люди каждый день присылали ему дары, а день его рождения был самым шумным и веселым праздником в королевстве. Люди любили короля за его неоспоримую мудрость и справедливый суд.

Однажды в королевство пришла беда. В колодцы попала отрава, и все до единого жители той страны — мужчины, женщины и дети — сошли с ума. Только мудрый правитель, у которого был собственный источник воды, сохранил рассудок.

Прошло немного времени, и люди заговорили о том, как «странно» начал вести себя король,

как пошатнулась его мудрость, каким несправедливым стал суд. Многие даже начали шептаться, что правитель сошел с ума. От его популярности не осталось и следа. Люди больше не несли даров и не праздновали его день рождения.

Король остался в своем высоком замке в полном одиночестве. Как-то он решил прогуляться внизу, в городе. Было жарко, и он выпил воды из городского фонтана.

В тот же вечер в королевстве был всеобщий праздник. Народ радовался тому, что любимый правитель вновь «обрел рассудок».

И тогда я понял, что безумный мир, о котором упомянул Сократ, — это мой мир, а не его.

Я поднялся, собираясь уйти:

— Сократ, ты сказал мне, чтобы я слушал интуицию собственного тела и не зависел от того, что написано в книгах, или от того, что говорят мне люди. Тогда почему я должен покорно слушать, что говоришь мне ты?

— Очень хороший вопрос. И у меня есть на него не менее хороший ответ. Во-первых, я делюсь с тобой моим личным опытом; я не ссылаюсь на теории, которые вычитал в книжке или услышал от какого-то эксперта. Я действительно познал свое тело и свой ум, а значит, познал других. А потом, — улыбнулся он, — откуда тебе знать, что я не твоя интуиция, которая сейчас с тобой разговаривает?

С этими словами он развернулся к столу и углубился в бумаги. На сегодня я был отпущен. Я вышел на улицу, обуреваемый самыми разными мыслями.

Следующие несколько дней я ходил как в воду опущенный. Возле этого человека я чувствовал себя

слабым и неуклюжим, а его манера обращаться со мной страшно действовала на нервы. Он как будто все время меня недооценивал, но я ведь не ребенок! С чего мне сидеть на заправке и разыгрывать из себя полного идиота, когда здесь, в привычном мне мире, окружающие уважали меня и восхищались мной?

Тренировки стали напряженными, как никогда раньше, — мышцы так и горели, когда я летал на брусках; буквально на каждом занятии я брал новые вершины. Но, как ни парадоксально, я не чувствовал от гимнастики прежнего удовлетворения. Каждый раз, когда удавалось освоить новое движение или я удостоивался похвалы тренера, в голове неизбежно возникала картина, как, опрокинутый стариком, я вверх тормашками шлепаюсь на диван.

Мой тренер Хал начал беспокоиться и выяснять, все ли у меня в порядке. Я заверил его, что все хорошо. Но это было не так. Мне расхотелось обмениваться остротами с ребятами из команды в перерывах между тренировками. Я чувствовал себя не в своей тарелке.

В ту ночь мне снова приснилась смерть, но это был совсем другой сон. Смеющийся Сократ, выряженный в темное одеяние Мрачного Жнеца, направил на меня пистолет и выстрелил, но из ствола вместо пули выскочил флажок с надписью «Бах!». Я рассмеялся и проснулся.

На следующий день в почтовом ящике я обнаружил записку, в которой было лишь два слова: «Секрет крыши». Когда в тот вечер Сократ подошел к заправке, я уже ждал его на ступенях.

В тот день я пришел пораньше, чтобы немного расспросить о Сократе тех, кто работал здесь в дневную смену: как его настоящее имя и где он живет. Но никто о нем ничего не знал.

— Да кому он нужен? — зевнул один парень. — Старый чудака, который почему-то любит работать в ночную смену.

Сократ снял ветровку.

— Ну? — сразу накинулся я. — Ты мне расскажешь наконец, как сумел взобраться на крышу?

— Расскажу, — серьезно произнес он. — Я думаю, ты готов услышать правду. В стародавней Японии существовала элитная группа воинов-убийц.

Последнее слово он произнес таким зловещим шепотом, что я сразу подумал о том, как тихо за темными окнами. В шее появилось знакомое покалывание.

— Этих воинов, — продолжил Сократ, — называли «ниндзя». Их окружали самые невероятные и страшные легенды. Говорили, что они умеют превращаться в животных; говорили даже, что они умеют летать — на небольшие расстояния, конечно.

— Конечно, — согласился я, отчетливо ощущая сквознячок, которым потянуло из-под двери в иную реальность. Пока я размышлял, к чему Сократ клонит, он кивком указал мне на гараж. Я прошел туда и увидел японский спорткар.

— Свечи сменить надо, — пробормотал Сократ, скрываясь за гладким капотом.

— А как же крыша? — напомнил я.

— Сейчас доберусь и до крыши, только свечи поменяю. Наберись терпения. То, о чем я собираюсь рассказать, стоит того, чтобы подождать немного, уж поверь мне.

Я сел, поигрывая киянкой, которую нашел на верстаке.

— А знаешь, это очень интересная работа, если делать ее с полным сосредоточением, — донеслось из-под капота.

Для Сократа, возможно, так оно и было. Внезапно он отложил свечи, подбежал к выключателю и выключил свет. Оказавшись в столь полной темноте, что даже рук не было видно, я занервничал. Я ведь никогда не знал, что выкинет Сократ в следующую минуту, а после рассказа о ниндзя...

— Сократ? Эй?..

— Где ты?! — заорал он мне прямо в затылок.

Я резко повернулся и плюхнулся на капот стоявшего рядом «шевроле».

— Я... Да не знаю я! — заорал я в ответ.

— Абсолютно верный ответ, — спокойно ответил Сократ, включая свет. — Наверное, ты немного поумнел, — добавил он с улыбкой Чеширского Кота.

Я только головой покачал, поражаясь этим чудачествам, и облокотился на крыло машины, заглянув под капот: там оказалось пусто, начинка у «шевроле» отсутствовала.

— Сократ, может быть, хватит валять дурака? Давай прямо к делу.

Ловко прикручивая новые свечи, он продолжил:

— Эти ниндзя не занимались магией. Их секрет заключался в самых изоощренных тренировках физического тела и ума, какие только было способно изобрести человечество.

— Сократ, к чему ты ведешь?

— Самый простой способ понять, к чему человек ведет, — это дождаться, когда он закончит, — ответил Сократ и продолжил: — Ниндзя умели плавать в тяжелых доспехах; они забирались по отвесным стенам как ящерицы, цепляясь пальцами рук и ног за крошечные щели. Они изготавливали очень интересные веревки для лазания, темные и практически невидимые глазу, умели искусно прятаться, прибегали к самым изобретательным способам отвлече-

ния внимания и иллюзиям, могли сбежать из любой тюрьмы. Ниндзя отлично умели прыгать, — закончил он наконец.

— Это уже ближе к делу! — Я нетерпеливо потер руки.

— С самого детства юного воина учили прыгать следующим образом: ему вручали кукурузное зерно и велели посадить его в землю. Как только показывался росток, юному воину поручали прыгать через него — много-много раз. Каждый день росток вытягивался выше; каждый день юный воин прыгал. Проходило какое-то время, и росток уже был выше ребенка, но это его не останавливало и он продолжал прыгать. Наконец наступал день, когда юный воин уже не мог перепрыгнуть через росток. В этот день ему вручалось новое зерно, и все начиналось сначала. В конце концов не оставалось такого стебля, через который ниндзя не мог бы перепрыгнуть.

— Ну и что? В чем секрет-то? — спросил я, ожидая эффектного финала этой притчи.

Сократ помолчал, сделал глубокий вдох:

— Видишь ли, юные ниндзя тренировались на кукурузных стеблях. А я тренируюсь на автозаправках.

На какое-то время воцарилась полная тишина. Затем раздался глубокий, почти музыкальный смех: Сократ смеялся так, что ему пришлось облокотиться на «дацун», которым он в тот момент занимался.

— То есть это всё, да? Всё, что ты хотел рассказать мне о крыше?

— Дэн, это всё, что ты можешь узнать до тех пор, пока не сможешь это *сделать*, — ответил он.

— То есть ты меня научишь запрыгивать на крышу? — опять загорелся я.

— Может, да, а может, и нет. Пока что передай мне ответку, будь так добр.

Я швырнул ему отвертку. Клянусь, он схватил ее на лету, глядя при этом чуть ли не в противоположную сторону! Быстро что-то прикрутив, он кинул отвертку обратно с громким воплем: «Поберегись!» Естественно, отвертку я не поймал, и она звонко упала на пол. Это было невыносимо! Я не знал, сколько еще насмешек смогу вынести...

Недели полетели одна за другой, и бессонные ночи, проведенные на заправке, стали привычкой. Я как-то адаптировался. Случилась и другая перемена: я вдруг заметил, что время, проведенное с Сократом, стало чуть ли не интереснее, чем время, проведенное в спортзале.

Каждую ночь, пока мы обслуживали клиентов заправки — он заправлял баки, я протирал стекла, мы оба перешучивались с водителем и пассажирами, — он расспрашивал меня о моей жизни. О своей всегда молчал. На любые вопросы бросал короткое «потом» или отвечал что-нибудь ни к селу ни к городу.

Когда я поинтересовался, почему его так интересуют подробности моей жизни, он ответил:

— Я должен понять, в чем заключаются твои личные иллюзии, чтобы ухватить самую суть болезни. Нужно будет очистить твой ум, прежде чем открыть дверь, ведущую к пути воина.

— Не надо лезть в мой ум. Меня он вполне устраивает.

— Если бы тебя устраивал твой ум, ты бы сейчас здесь не сидел. Тебе уже приходилось менять его в прошлом, и не единожды. Предстоит сделать это еще раз, просто на более глубоком уровне.

После этого разговора я решил соблюдать в отношении этого человека особую осторожность. В конце концов, не так уж хорошо я его знал, поэтому мне сложно было оценить степень его собствен-

ного безумия. По крайней мере, общался он весьма своеобразно, постоянно меняя стиль общения — от непривычного и смешного до откровенно дикого. Однажды, например, он с криками убежал от болонки, помочившейся на ступени заправки, причем случилось это прямо посреди лекции о «неисчислимых преимуществах абсолютно невозмутимого состояния духа».

Неделю спустя, не спав всю ночь, мы пошли прогуляться до речки Струберри. Мы стояли на мосту и смотрели на воду. В это время года, в сезон зимних дождей, речка была быстрой и полноводной.

— Интересно, насколько там глубоко, — рассеянно произнес я, рассматривая буруны и завихрения. В следующую секунду я летел вверх тормашками, навстречу мутной коричневатой воде. Он просто скинул меня с моста!

— Ну как, глубоко?

— Достаточно, — отплеываясь, ответил я, мокрый до нитки, выбираясь на берег. Такой вот наглядный урок о бесполезности пустых рассуждений. Я тогда решил про себя, что с Сократом лучше помалкивать.

Проходили дни, и я начал подмечать, насколько отличались многие наши привычки. Проголодавшись, я налегал на шоколадные батончики; Сократ же не торопясь съедал яблоко или грушу либо заваривал себе травяной чай. Я елозил на диване, он сидел на стуле с неподвижностью и невозмутимостью Будды. Мои движения были шумными и неуклюжими по сравнению с его умением бесшумно скользить по полу. А ведь он был старик...

Даже в первые дни нашего общения каждый вечер меня ждал новый небольшой урок. Однажды, например, я совершил ошибку, пожаловавшись на своих сокурсников, которые, как мне казалось, вели

себя со мной не так дружелюбно, как хотелось бы. Сократ мягко ответил:

— Тебе пора брать на себя ответственность за свою жизнь, вместо того чтобы винить в неприятностях людей или обстоятельства. Когда глаза твои будут открыты, ты увидишь, что состояние здоровья, достаток, почти все обстоятельства твоей жизни — все это по большей части было организовано не кем иным, как тобой, сознательно или бессознательно.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, но, кажется, я не очень-то согласен.

— Знал я такого парня. Познакомился с ним на стройке, на Среднем Западе. Мы, рабочие, всегда обедали вместе, все приносили еду с собой. И вот каждый раз, когда раздавался звонок на обеденный перерыв, мы садились, Сэм открывал свою коробку и начинал жаловаться: «Да что ж такое! Опять сэндвичи с джемом и арахисовым маслом! Да я терпеть не могу джем и арахисовое масло!» И так он ныл каждый божий день, пока один из рабочих нашей бригады не выдержал: «Сэм, ну сколько можно! Если ты так ненавидишь джем и арахисовое масло, скажи своей жене, пусть приготовит что-нибудь другое!» А тот отвечает: «Какой еще жене? Я не женат, я сам себе сэндвичи готовлю».

Сократ помолчал, потом продолжил:

— Все мы готовим свои собственные сэндвичи.

С этими словами он ухмыльнулся и протянул мне коричневый пакет с двумя сэндвичами:

— Тебе помидоры с сыром или сыр с помидорами?

— Давай любой, — буркнул я.

Пока мы жевали сэндвичи, Сократ заключил:

— Лишь полностью взяв на себя ответственность за свою жизнь, можно стать полноценным челове-

ком; и лишь став человеком, ты способен открыть для себя, что означает быть воином.

— Спасибо, Сократ, за ценную пищу для размышлений и для желудка, — торжественно поклонился я.

Затем поднялся и натянул куртку, готовясь уходить:

— Меня пару недель не будет. Экзамены на носу. К тому же мне надо многое обдумать.

Я махнул рукой на прощание и быстро вышел за дверь, не дав ему шанса прокомментировать мои слова.

Потянулись напряженные предэкзаменационные недели. В спортзале я загонял себя до полного изнеможения. Стоило на секунду расслабиться, и я начинал явственно ощущать, как зыбки и смутны стали мои чувства и мысли. То были первые признаки нарастающего отдаления от привычной повседневности. Впервые в жизни у меня появился выбор между двумя разными реальностями. Одна была безумной, другая — здоровой, но я не знал, какая из них какая, поэтому завис где-то посередине, не в силах сделать выбор.

Мне все казалось, что пусть на мгновение, но все-таки можно допустить мысль о том, что Сократ совсем не такой эксцентричный, каким кажется. Возможно, его описание моей жизни куда более верно, чем мне казалось вначале. Я начал подмечать, как веду себя, общаясь с окружающими, и результаты этих наблюдений мне не нравились. Да, внешне я казался довольно общительным человеком, но внутри я был занят собой, и только собой.

Мой лучший друг Билл упал с гимнастического коня и сломал запястье; другой друг Рик после года упорных тренировок сумел наконец сделать сальто назад с разворотом на сто восемьдесят. В обоих слу-

чаях эмоциональная реакция у меня была одинаковая, а именно — никакая.

Чем больше я познавал себя, тем непригляднее выглядел в собственных глазах.

В один из вечеров накануне экзаменов в дверь ко мне постучались. К моему удивлению и радости, это была Сьюзи, блондинка-чирлидер с ослепительной улыбкой. Она не заглядывала уже несколько недель. Я вдруг осознал, насколько мне было одиноко все это время.

— Что, даже зайти не пригласишь, Дэнни?

— Ой! Конечно! Я очень рад тебя видеть. Присаживайся, давай сюда куртку. Хочешь что-нибудь перекусить? Выпить?

Она просто молча смотрела на меня.

— Что ты, Сьюзи?..

— Выглядишь усталым, Дэнни, но...

Она протянула руку, легко дотронулась до моего лица.

— Ты как-то... у тебя в глазах что-то изменилось. Что такое?

Я погладил ее по щеке:

— Сьюзи, побудь сегодня со мной.

— Я уже думала, ты никогда больше не попросишь. Пойду принесу зубную щетку.

На следующее утро, едва проснувшись, я повернулся, чтобы зарыться в светлые и душистые, будто летняя трава, волосы Сью, почувствовать ее легкое дыхание на своей подушке. «Мне ведь должно быть хорошо», — подумал я, но в душе стояла серая муть, напоминавшая расстилавшийся за окнами туман.

В следующие несколько дней мы со Сью почти не расставались. Настроение у меня было так себе, но жизнерадостности Сьюзи хватало на двоих.

Что-то удерживало меня от того, чтобы рассказать ей о Сократе. Он был из другого мира, и в том

мире ей не было места. Как она могла понять меня, если даже я не имел представления о том, что со мной происходит?

Началась и закончилась сессия. Экзамены я сдал неплохо, но мне было все равно. Сьюзи уехала домой на весенние каникулы, и я был рад остаться один.

Вскоре каникулы закончились, вдоль замусоренных улиц Беркли задули теплые весенние ветры. Я знал, что пора возвращаться в мир воина, на странную автозаправку, — пожалуй, с более открытым и смиренным сердцем. Хотя в одном я был уверен: если Сократ снова начнет упражняться в остроумии, я в долгу не останусь.

Книга 1

**ВЕТРЫ
ПЕРЕМЕН**